

Фрагмент из романа

Judith Schalansky
Der Hals der Giraffe. Bildungsroman
Suhrkamp Verlag, Berlin 2011
ISBN-978-3-518-42177-2
с. 7-19

Юдит Шалански
Шея жирафа. Роман воспитания.

Перевод Ольги Козонковой

ПРИРОДНЫЙ БАЛАНС

«Садитесь», – сказала Инга Ломарк, и ученики сели. «Откройте учебники на странице семь», – сказала она, и они открыли учебники на странице семь и приступили к изучению экосистем, природного баланса, связей между видами, между живыми существами и окружающей средой, системы взаимодействия пространства и сообщества. От пищевой цепочки смешанного леса они перешли к пищевой цепочке луга, от рек к озерам и, наконец, к пустыне и к прибрежным полосам.

«Как видите, никто не существует сам по себе – ни животное, ни человек. В мире живых существ царит конкуренция. А иногда нечто похожее на сотрудничество. Но такое случается редко. Важнейшими формами сосуществования являются конкуренция и отношения: пища-потребитель».

По мере того как Инга Ломарк рисовала мелом стрелки, ведущие от мхов, лишайников и грибов к дождевым червям и жукам-оленьям, ежам и землеройковым, затем к большой синице, косуле и ястребу-тетеревятнику, и, наконец, к волку, на доске постепенно появлялась пирамида, на вершине которой устроились хищники и человек.

«Не существует животных, питающихся орлами или львами».

Она отступила на шаг назад, чтобы взглянуть на разросшийся рисунок. Схема объединяла продуцентов с первичными и вторичными консументами, производителей с потребителями первого, второго и третьего порядка, а также с обязательными мелкими редуцентами – все они были неразрывно связаны друг с другом дыханием, потерей тепла и приростом биомассы. Всё в природе – если и не каждое живое существо, то, во всяком случае,

каждый вид – имело своё место и своё назначение: есть и быть съеденным.

«Перерисуйте схему в тетради».

Её задания выполнялись всегда.

Год только начинался. Суетливый июнь, пора удушающей жары и голых плеч, окончательно остался в прошлом. Тогда солнечные лучи пробивались сквозь стеклянный фасад здания и превращали классную комнату в теплицу. В пустых головах зарождалось ожидание каникул. Надвигающаяся возможность безрассудно разбазаривать дни лишала детей всякой способности к концентрации. Они сидели безучастно и дремали навстречу каникулам. Жирная кожа. Потная жажда свободы. Тоска по купанию. Одни становились рассеянными и непредсказуемыми. Другие, ввиду скорого выставления годовых оценок, разыгрывали комедию раболепства: клали контрольные работы по биологии на учительский стол, как кошки пойманных мышей на ковер в зале. Лишь для того, чтобы на следующем уроке, с калькулятором наготове, ждать объявления оценок и кинуться немедленно рассчитывать, с точностью до трех знаков после запятой, насколько улучшился их средний балл.

Инга Ломарк, однако, была не из тех учителей, которые в конце учебного года теряли бдительность лишь потому, что вскоре им предстояло расстаться с учениками. Она не боялась почувствовать себя никому не нужной, даже оставшись в одиночестве. Некоторые коллеги по мере приближения летних каникул становились невероятно покладистыми, почти нежными. Опускались до того, чтобы заигрывать с учениками. Тут – рассеянный взгляд, там – ласковое похлопывание, выше-голову-подбадривание, жалкий просмотр фильмов. Высокие оценки обесценивались, отметка *отлично* уже ничего не стоила. Но хуже всего была порочная практика округлять годовые оценки, чтобы перетащить в следующий

класс безнадежных слабаков. Как будто это когда-нибудь кому-нибудь помогало. Коллеги просто не понимали, что, сближаясь с учениками, они вредят собственному здоровью. Ведь ученики – это кровопийцы, которые забирают у тебя жизненную энергию. Питаются кровью педколлектива, его ответственностью и страхом допустить промах в надзоре детьми. Всё время набрасываются на тебя. Закидывают тебя бессмысленными вопросами, убогими идеями и неаппетитными секретами. Это настоящие вампиры.

Высасывать из себя соки Инга Ломарк больше не позволяла. Она была известна тем, что могла натянуть поводья и держать учеников на коротком поводке, не впадая при этом в бешенство и не швыряя связки ключей. И она этим гордилась. Отпустить поводья можно было всегда. Время от времени пряничек среди ясного неба.

Ученикам необходимо задать направление, надеть им на глаза шоры, чтобы они научились концентрироваться. А если они вдруг расшумятся, достаточно поскрести ногтями по доске или рассказать о ленточном черве. Так или иначе, для учеников лучше всего, если они всё время будут чувствовать, что находятся в твоей власти. И не думать, что им есть что сказать. На её уроках ученики не имели права голоса и свободы выбора. Выбора не было ни у кого. Был только искусственный отбор, и больше ничего.

Год только начинался. Даже если он уже давно начался. Для неё он начинался сегодня, первого сентября, которое в этом году пришлось на понедельник. Именно сейчас, увядающим летом, а не в ослепительный сочельник, давала себе зароки Инга Ломарк. Хорошо, что она работала учителем, это позволяло легко перейти в новый календарный год. Можно было просто перелистнуть страницу ежедневника, обойтись без обратного отсчета секунд и звона фужеров с шампанским.

Инга Ломарк оглядела три ряда парт, не поворачивая головы ни на сантиметр. За годы работы она довела до совершенства этот

всемогущий, неподвижный взгляд. Согласно статистике, как минимум два ученика в классе по-настоящему интересовались предметом. Но судя по сегодняшнему классу, статистика была в опасности. Распределение Гаусса – более или менее. И как только им удалось доучиться до старшей ступени?

Было очевидно, что все шесть недель они бездельничали. Книг никто из них не открывал. Большие каникулы. Не такие большие, как раньше. Но все равно еще слишком длинные! Потребуется как минимум месяц, чтобы приучить их к биоритму школы. Хорошо хоть, что ей не нужно выслушивать их истории. Рассказывать о себе они могли Шваннеке – та в каждом новом классе устраивала игру-знакомство. Полчаса спустя все участники были опутаны красной шерстяной ниткой и могли назвать имена и хобби своих соседей по парте.

Заняты были только отдельные места. Так еще больше бросалось в глаза, как мало их было. Скучная публика её естественнонаучного театра: двенадцать учеников – пять мальчиков, семь девочек. Тринадцатый вернулся в общеобразовательную школу, хотя Шваннеке очень за него боролась. Бесконечные дополнительные занятия, визиты домой и заключения психологов. Какое-то нарушение концентрации. Чего только не придумают! Сплошные бог знает где вычитанные нарушения развития. Сначала легастения, потом дискалькулия. А что будет дальше? Аллергия на биологию? Раньше были только неспортивные и немзыкальные дети. Но и они должны были бегать и петь вместе со всеми. Нужно иметь силу воли – только и всего.

Тащить за собой слабых не имело смысла. Это – балласт, мешающий продвижению остальных. Прирожденные рецидивисты. Паразиты на здоровом теле класса. Недоразвитые все равно отстанут, раньше или позже. Вместо того чтобы давать им новый шанс после каждой неудачи, следовало заставить их смотреть

правде в глаза. А правда состояла в том, что они не обладают необходимыми качествами, чтобы стать полноценными, а значит, полезными членами общества. К чему лицемерить? Это дано не каждому. Да и с какой стати? Отстающие были в каждом классе. Встречались и такие, что было за счастье привить им хотя бы основополагающие добродетели. Вежливость, пунктуальность, чистоплотность. Просто позор, что отменили оценку за поведение. Порядок. Прилежание. Активность. Поведение. Свидетельство несостоятельности этой системы образования.

Чем дольше не избавляешься от неудачника, тем он становится опаснее. Начинает притеснять окружающих и выдвигать необоснованные претензии: требует приличные оценки в аттестате, положительную характеристику, а потом еще, чего доброго, и хорошо оплачиваемую работу и счастливую жизнь. Всё это – результат многолетней поддержки, близоруким благожелательности и беспечного великодушия. Если уверять безнадежных слабаков, что они не хуже других, нечего потом удивляться, когда в один прекрасный день они явятся в школу с самодельными бомбами и винтовками, чтобы отомстить. Потому что они так и не получили того, что им годами обещали. А потом приходится зажжённые свечи рядами выстраивать.

В последнее время все требовали возможности самореализации. Это просто смешно. Справедливости не существует. А в обществе и подавно. В природе, может быть. Не случайно отбор сделал нас теми, кем мы сегодня являемся: живыми существами, мозг которых имеет наиболее глубокие борозды.

Но Шваннеке, одержимая интеграцией, не могла с этим смириться. Да и чего можно ждать от человека, который выстраивает парты в форме букв, а стулья – полукругом. Долгое время парты стояли в форме большого «U», окружавшего её стол. А недавно их поставили даже в форме угловатого «O», так что она

оказалась связана со всеми, и больше не было ни начала, ни конца, лишь одно совершенное мгновение, как она заявила в учительской. Одиннадцатиклассникам она разрешала обращаться к ней на «ты». Инга Ломарк слышала, как одна школьница сказала: «Мы должны назвать её Карола». Карола! Какой ужас! Мы же не в парикмахерской!

Инга Ломарк обращалась к ученикам на «вы» начиная с девятого класса. Эта привычка осталась у неё с гэдээровских времен, тогда школьников в этом возрасте торжественно принимали в члены общества. Вручали книгу «Вселенная, Земля, Человек» и социалистический букет гвоздик. Не было более действенного средства, чем обращение на «вы», чтобы напомнить подросткам об их незавершенности и держать их на расстоянии.

На работе было не место близости и пониманию. Когда ученики борются за благосклонность учителя, это выглядит нелепо, но это понятно: они пресмыкаются перед властью имущими. Но когда учителя набиваются в друзья к подросткам, это непростительно. Присаживаются на учительский стол. Заимствуют моды и слова. Носят яркие шейные платки. Осветляют пряди. И всё это только для того, чтобы сойти за своего. Совершенно теряют лицо. Жертвуют последними остатками достоинства, чтобы насладиться мимолетной иллюзией общности. И вперед всех, конечно, Шваннеке со своими любимчиками: шушукающимися девицами, с которыми она на переменках заводила разговоры, и страдальцами с мутирующим голосом, перед которыми она – губа накрасила, глаза выпучила – разыгрывала самое что ни на есть дешевое шоу, выставляя напоказ свои прелести. Интересно, она себя давно в зеркале видела?

У Инги Ломарк любимчиков не было и не будет. Влюбленность – это сгусток чувств, незрелый, сбившийся с пути, гормонально обусловленная экзальтация, овладевающая подростками. В тот период, когда они уже отцепились от материнской юбки, но еще не

доросли до понимания привлекательности другого пола. Вместо этого адресатом неперебродивших чувств становится беспомощный товарищ по полу или недостижимый взрослый. Щеки в пятнах. Клейкие глаза. Воспаленные нервы. Мучительный промах, который при нормальном развитии устраняется сам собой вместе с созревaniem желез. Но если кому недостает профессионализма, то он, конечно, может сбавить свой учебный материал только с помощью сексуальных сигналов. Заискивающие практиканты. Так называемые любимые учителя. Шваннеке.

Как она отстаивала на педсовете свою кампанию по спасению идиота из восьмого класса! Лоб наморщила, накрашенный красным рот кричит: «Нам же нужен каждый ученик!» Не хватало только, чтобы именно она, бездетная Шваннеке, которую еще к тому же недавно бросил муж, начала рассказывать, что дети – это наше будущее.

Какое там будущее... Эти дети будущим не были. Если быть точным, они как раз были прошлым. Перед ней сидел девятый класс. Это был последний девятый класс гимназии им. Чарльза Дарвина. Через четыре года они закончат школу. А Инга Ломарк должна исполнять здесь роль классной дамы. Это был просто девятый класс, и всё. К номеру больше не нужно было добавлять букв, как прежде – от «а» до «ж». Раньше такой уровень рождаемости был – отличную роту можно было набрать, по крайней мере, что касается количества. А теперь им едва удалось наскрести этот класс. Почти чудом, потому что в тот год в их федеральной земле был зафиксирован самый низкий уровень рождаемости. Следующие классы набрать уже не получилось. Даже несмотря на то, что пошли разговоры о нехватке учеников и грядущем конце дарвиновской гимназии и коллеги из трех региональных школ решили более щедро раздавать рекомендации для поступления в

старшие классы гимназии. Как следствие, каждый более-менее грамотный ребенок был возведен в ранг гимназиста.

Родители, убежденные в том, что, несмотря на отсутствие рекомендаций, их ребенку место в гимназии, существовали всегда. Однако сегодня в этом городе не хватало даже родителей.

Нет, в самом деле, с её точки зрения, эти дети – отнюдь не брильянты в короне эволюции. Развитие – это нечто иное, чем рост. Эти ученики до ужаса наглядно демонстрировали, что качественные и количественные изменения по большей части происходят независимо друг от друга. Не очень приятно смотреть на природу, нерешительно застывшую на пороге между детством и юностью. Фаза развития. Подростающие наземные позвоночные. Школа как вольер. Приближалось ужасное время, проветривание классной комнаты, чтобы избавиться от запаха этой возрастной ступени, мускус и высвобожденные феромоны, ограниченность, медленно формирующиеся тела, потные подколенные впадины, сальная кожа, тусклые глаза, бурный рост во все стороны. Гораздо легче было научить их чему-нибудь до начала полового созревания. И необычайно трудно было понять, что творилось сейчас в их головах за непроницаемыми фасадами: то ли они уже ушли в своем умственном развитии далеко вперед, то ли сильно запаздывали из-за основополагающей перестройки организма.

Они были начисто лишены понимания того, что с ними происходит, и, тем более, необходимой дисциплины, чтобы контролировать своё состояние. Они ничего не делали, просто бессмысленно тарацились. Апатичные, перегруженные, занятые только собой. Впадали в инертность, абсолютно не сопротивляясь. Казалось, что сила земного притяжения действует на них в три раза сильнее, чем на остальных. Каждая искра энергии, оказавшаяся в распоряжении этих тел, поглощалась мучительными метаморфозами, по трудоёмкости ни в чем не уступавшими сбрасыванию кокона.

Правда, в результате этого процесса бабочки появлялись на свет крайне редко.

Так уже получилось, что процесс взросления не мог обойтись без этих аморфных промежуточных форм, на которых, как нарывы, разрастались вторичные половые признаки. Мучительность антропогенеза демонстрировалась здесь в ускоренном темпе. Филогенез воспроизводился не только в онтогенезе, но и в пубертатном периоде. Они росли. День за днем. Скачками, особенно летом, так что после каникул их даже не сразу можно было узнать. Послушные девочки превращались в истеричных бестий, а смысленные мальчики – во флегматичных недорослей. Плюс еще неумелые попытки выбора партнера. Нет, от природы не стоило ждать оригинальности. Только справедливости. Это состояние – сродни болезни. Оставалось только ждать, пока оно пройдет. Чем крупнее может стать животное и чем больше продолжительность его жизни, тем дольше длится его юность. Человеку для созревания требуется треть всей его жизни. В среднем человеческий детёныш способен позаботиться о себе по прошествии восемнадцати лет. А Вольфганг, например, выплачивал деньги детям от первого брака аж до двадцати семи лет.

И вот они сидели перед ней, эти вступающие в жизнь кровопийцы. Очиняли карандаши и перерисовывали пирамиду с доски, каждые пять секунд поднимая и опуская головы. Еще не сформировавшиеся, но уже обладающие дерзкой самоочевидностью, претензией на абсолютность, бесстыдной и самонадеянной. Это были уже не дети, которые постоянно испытывают потребность к кому-нибудь приткнуться и потому врываются в твоё личное пространство под любыми предлогами, вынуждая тебя к ним прикасаться, и откровенно пялятся на тебя, как шпана в междугороднем автобусе. Это – молодые взрослые, уже способные к зачатию, но еще незрелые, как слишком рано сорванные плоды. Для

них Инга Ломарк была, вероятно, человеком без возраста. Или, скорее даже, казалась им старой. Должно быть, её ученикам это состояние представлялось неизменным. Молодые старели. Старые оставались старыми. Её период полураспада уже давно прошел. К счастью. Ей, по крайней мере, не придется существенно меняться у них на глазах. Эта мысль успокаивала. А вот она увидит их рост, как видела уже много раз. И это знание делало её могущественной. Пока ещё они были похожи друг на друга как две капли воды, это была стая, нацеленная на выполнение школьных требований. Но уже совсем скоро они станут коварно самостоятельными, возьмут след и найдут сообщников. А она начнет игнорировать хромых кляч и втайне поставит на чистокровного арабского скакуна. У неё было хорошее чутьё. Она уже ставила на будущих летчика и морского биолога. Не самый плохой урожай для провинциального городка.

За первой партой пристроился запуганный пасторский сынок, который вырос в окружении деревянных ангелов и восковых клякс и учился играть на блокфлейте. На последнем ряду сидели две расфуфыренные девицы. Одна жевала резинку, другая была помешана на своей черной гриве, постоянно её приглаживала и перебирала прядь за прядью. Рядом с ними – светловолосый коротышка, ростом с ученика начальной школы. Трагедийная демонстрация разницы в развитии полов.

Справа у окна на стуле раскачивался, раскрыв рот, молодой примат, который только и ждал, как бы пометить территорию каким-нибудь заурядным высказыванием. Если бы он барабанил по груди, картина была бы полной. Его следовало чем-нибудь занять. Перед ней лежал листок, на котором ученики написали своим имена. Каракули на пути к подписи, имеющей законную силу. *Кевин*. Ну конечно. Другого имени у него быть и не могло.